

expected to act like an adult, and if he does it's described as an exception. He doesn't actually care about that knowing how people around him are blind to anything.

It must be said that the whole book itself is a linguacultural peculiarity of America, its youth, its postwar mood and its view of life. It's impossible to transmit all the details of this book. The translators made a grand job of delivering the material to the audience so they could comprehend it, despite the tendency of generalizing in Kazakh translation. The translator made it richer with synonyms and passages, but it's questionable if there ever was such need in the first place. It lacks abruptness of a teen's thoughts.

In conclusion Kazakh translation saved the most part of details, and it is a very dignified piece worth to be read, but the believability of J D Salinger's work isn't fully there.

References

1. Britannica Global Edition. Volume 25. Dale H. Hoiberg, Michael Levy, 2016. 14615 p.
2. The fiction of Salinger. Gwynn F. L. and Blother I. L., 1960. P. 28 – 29/
3. «Huck Finn's» First Century: A Bibliographical Survey. Carl Dolmetsch. American Studies International. Vol. 22, No. 2 (October 1984). P. 92
4. Britannica Global Edition. Volume 3. Dale H. Hoiberg, Michael Levy, 2016. 1852 p.
5. Қазақстан Республикасында кімнің кім екені. 2 томдық анықтамалық. Алматы, 2011. Б. 117–118.

УДК 81`42

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Л. П. Гарнаева,

доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Цель работы заключалась в исследовании культурно-специфических характеристик аргументативных стратегий профессионального дискурса в свете проблем перевода. На основе сопоставительного лингвокультурного анализа фрагмента англоязычного профессионально-ориентированного текста и его перевода на русский язык выявлен ряд национально-культурных особенностей лексико-фразеологической и грамматической организации тактик информирования, иллюстрирования и прогнозирования, реализующих аргументативную стратегию в тексте.

Ключевые слова: дискурс, национально-культурные особенности, аргументативная стратегия, тактики информирования, иллюстрирования, прогнозирования, сопоставительный лингвокультурный анализ.

Summary. The article is aimed at the study of culture specific characteristics of argumentation in Russian and English professional discourse in the translation perspective. On the basis of culture-oriented contrastive analysis, a number of culture-specific characteristics were identified on lexical, idiomatic and grammatical levels in arranging tactics of informing, illustrating and predicting which actualize argumentation strategy in the text.

Key words: discourse, culture-specific characteristics, argumentation strategy, tactics, informing, illustrating, predicting, culture-oriented contrastive analysis

Одним из важных критериев оценки адекватности перевода является учёт особенностей риторических традиций контактирующих национальных дискурсов. Межкультурные исследования речевой коммуникации свидетельствуют о том, что в каждом национальном дискурсе присутствуют культурно-специфические характеристики, отражающие особенности национального менталитета носителей данного языка.

Речевая коммуникация представляет собой процесс, в котором каждый из её субъектов выстраивает свои собственные стратегии с целью достижения определённого эффекта. Среди наиболее частотных стратегий, к которым прибегают участники профессионального общения, исследователи выделяют стратегию аргументации, которая понимается как логико-коммуникативный процесс приведения логических доводов с целью доказать истинность какого-либо положения, обосновать определенную точку зрения с целью ее восприятия, понимания и принятия индивидуальным или коллективным реципиентом. Аргументация строится с привлечением как вербальных, так и невербальных средств общения, включая психическое воздействие на другую сторону коммуникации. Как речевая коммуникативная деятельность аргументация включает в себя мировоззренческие, этические, психологические параметры [4].

В качестве единиц дискурса, реализующих коммуникативные стратегии в вербальном плане, выступают речевые тактики, которые в самом общем виде определяются как «локальные риторические приёмы и линии речевого поведения» [2, с. 208]. Если стратегию понимать как глобальный план достижения определённой цели, то тактики, её составляющие, являются конкретизацией этого глобального плана, своего рода пошаговыми действиями, нацеленными на достижение конечной цели.

В исследовательской литературе типизация речевых тактик осуществляется по критерию реализации ими коммуникативных стратегий. Так, к примеру, для реализации рациональной и эмоциональной аргументации существует разный набор тактик: в стратегиях рационального аргументирования используются чаще всего тактики убеждения, призыва, верификации, иллюстрирования, обещания; в эмоциональном аргументировании – тактики скрытой угрозы, обвинения, рекламирования, призыва [5]. Однако совершенно справедливым представляется мнение о том, что закрепление тактик за стратегиями условно, поскольку одна и та же

тактика может быть использована для реализации разных стратегий [7]. Если одни тактики по своей семантике могут быть закреплены только за определёнными стратегиями, то другие могут реализовать стратегии и той, и другой группы. Например, такие тактики как обобщение, конкретизация, сочетание знания и опыта, самопрезентация, частичное согласие и т.д. могут использоваться для реализации как аргументативных, так и манипулятивных стратегий [8].

Коммуникативные тактики представлены посредством речевых актов, сопровождаемых невербальными средствами коммуникации. Отношение речевых актов к той или иной речевой тактике актуализуется посредством единиц разного языкового уровня.

Отмечается, что аргументативное общение подчиняется широко известным принципам речевой коммуникации, обозначенным Грайсом и Дж. Личем – принципу кооперации, который реализуется в четырёх максимах (количество, качество, релевантность, ясность) [9] и принципу вежливости (максимы такта, великодушия, одобрения, симпатии, согласия, скромности) [10]. Тем не менее, при наличии общих принципов речевого общения, в каждой культуре существуют и собственные, опосредованные национальным сознанием максимы аргументации. Национально-культурная специфика аргументации может проявляться на любом уровне дискурса – в построении стратегии, в выборе тактик для реализации тех или иных стратегий, в организации речевых актов, лексико-грамматических средств и т.д. Данный тезис иллюстрируется далее на примере сопоставительного лингвокультурного анализа фрагмента англоязычного профессионального дискурса и его перевода на русский язык. В предложенном для анализа фрагменте стратегия аргументации реализуется посредством тактик информирования, иллюстрирования и прогнозирования.

We have hit the mother lode! – says Laura Cadonati ... *This is really the first time we have multi-messenger detection of a single astrophysical event, where **gravitational waves are telling us the story of what happened before the cataclysm and the electromagnetic emissions are telling us what happened after... giving researchers a new way to study these bizarre objects and learn just how big they can get before collapsing into a black hole.***

Мы наткнулись на золотую жилу! – говорит Лаура Кадонати... На самом деле, мы впервые обнаружили гравитационно-волновое и электромагнитное явление как единое астрофизическое событие. **Гравитационные волны рассказывают нам историю о том, что произошло до катаклизма. Электромагнитное излучение повествует о том, что случилось после. ... ученые получают новые возможности для изучения этих странных объектов, а также выяснят, каких размеров они могут достигать до схлопывания и превращения в черную дыру** [11].

В первую очередь обращает на себя внимание фраза, которая вводит тактику информирования *We have hit the mother lode!* Достаточно указать на восклицательный знак, который для профессионально-ориентированной

речи далеко не типичен. Тем не менее, в данном контексте он несёт значительную смысловую нагрузку: во-первых, указывает, на чрезвычайную важность события, о котором речь пойдёт далее, во-вторых, определяет принадлежность данного текста к публичной разновидности профессионального дискурса, нацеленного на достаточно широкую аудиторию. Здесь уместно обратиться к лингвокультурологическим комментариям в отношении восклицательного знака в русском и английском языках. В исследованиях отмечается, что в английском языке использование восклицательного знака достаточно ограниченное – обычно он встречается либо в устойчивых сочетаниях (чаще всего устаревших, например, в лозунгах), либо же для привлечения особого внимания (например, в случае опасности и т.п.) [3; 6 и др.]. В русском же языке, отмечают исследователи, восклицательный знак в письменной речи используется гораздо чаще. Отсюда можно сделать следующий вывод: в английском фрагменте восклицательный знак несёт более значимую, чем в русском переводе, смысловую нагрузку, следовательно, может рассматриваться в данном контексте как лингвокультурный маркер.

Далее, привлекает внимание лексическое наполнение фразы, инициирующей тактику информирования – в ней используется термин фразеологического происхождения *mother lode*, который в геологии имеет значение *основной, главный пласт или жила*; в золотодобыче *коренной источник*. Переносное значение, которое актуализуется в данном контексте, эквивалентно русскому фразеологизму *золотая жила*. Таким образом, имеет место совпадение средств, которые создают риторический эффект. Однако и здесь проявляется определённая степень национально-культурной специфики, которую можно проследить при межъязыковом сопоставлении семантической транспозиции мотивирующих основ данных фразеологизмов. Номинальное значение элементов, составляющих структуру фразеологизма *mother lode*, сводится к следующему: *mother* – *материнский*; *lode* – *путь, дорога* (от среднеангл. *lod, lode* – *way, course, journey*). При метафорическом переосмыслении актуализуется *образ матери* как символа того, что несёт *добро, благо* (в том числе – *материальное*). В основе семантической транспозиции при образовании русского фразеологизма лежит *образ золота*, как символа материального благополучия, т.е. нет той эмотивной коннотации, которая присутствует в английском соответствии, что, как можно предположить, выражает более высокую эмоциональную значимость материального блага.

Сопоставительный анализ приведённых выше фрагментов позволяет также вести речь о национально-культурной специфике грамматической организации аргументативной стратегии в русском и английском профессиональном дискурсе. В частности, обращает на себя внимание использование настоящего длительного времени Present Continuous в тактике иллюстрирования: ... *gravitational waves are telling us* ...

временная форма далеко не всегда выражает продолжительность действия. художественной литературы и разговорного стиля) с целью усиления эмоциональной окрашенности, придания большей выразительности изложению событий или фактов. Использование такого приёма в профессиональном дискурсе не противоречит риторическим традициям англоязычного профессионального дискурса, поскольку он более, чем русскоязычный профессиональный дискурс, открыт в плане принятия элементов персонального дискурса. При переводе на русский язык использование глаголов настоящего времени несовершенного вида в данном контексте подобного стилистического эффекта не имеет, а лишь свидетельствует о переносе национально-культурных особенностей аргументации из исходного текста в текст перевода, что далеко не всегда оправдано, а чаще всего вообще неуместно.

Более того, такая предикативная связь, как *gravitational waves are telling us* / гравитационные волны рассказывают; *electromagnetic emissions are telling us* / электромагнитное излучение повествует, достаточно обычная для английского языка, не характерна для русского профессионального дискурса. Исследователи перевода отмечают, что в английском языке частотностью отмечена такая структура высказываний, когда главным участником предметной ситуации становится субъект, который в логическом плане субъектом действия фактически не является. Это делается для того, чтобы положение субъекта соответствовало реме – той части высказывания, которая является наиболее важной для целей общения. В таких случаях подлежащее английского предложения может быть фактическим обстоятельством, объектом, признаком действия, и соответственно, на русский язык будет переводиться дополнением, обстоятельством (места, времени, цели), частью сказуемого и т.д. [1].

С учётом сказанного, можно предложить следующий вариант перевода фрагмента: *Благодаря гравитационным волнам мы узнаём о том, что произошло до катаклизма. Электромагнитное излучение позволяет нам узнать, что случилось после.*

В русском переводе английское подлежащее *gravitational waves* выступает в качестве обстоятельства, что соответствует логике происходящего; подлежащее *electromagnetic emissions*, хотя и сохраняет свой синтаксический статус, тем не менее, благодаря глаголу *узнать*, смысловой центр высказывания смещается в сторону реального субъекта действия, обозначенного местоимением *нам* (т.е. учёным).

Интерес представляет сопоставление способов грамматической организации тактики прогнозирования. В английском фрагменте данная тактика строится на основе словосочетания с неличной формой глагола, причастием I, в функции сопутствующего обстоятельства. Оно логически воспринимается как часть предшествующей информации, свидетельствующей лишь о некой возможности будущего действия – *giving*

researchers a new way to study ... В переводе же тактика прогнозирования звучит более категорично, будучи актуализована глаголами в функции сказуемого (*получат ..., выяснят*), т.е. обозначает действие, которое воспринимается как реалья будущего.

Осуществлённый в настоящей работе фрагмент сопоставительного лингвокультурного анализа показал, что национальные дискурсы, функционирующие в ситуациях профессионального общения, имеют как общие, так и культурно-специфические характеристики, учёт которых является важной составляющей успешности дискурсивной деятельности переводчика.

Список использованных источников

1. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. М.: УРАО, 2003. 104 с.
2. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник. 2-е изд., М.: ИНФРА-М, 2006. 272с.
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Союз, 2001. 291 с.
4. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999.
5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
7. Торбик Е. М. Персуазивные стратегии в деловом дискурсе (на материале англоязычных проектных заявок): автореф. канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.
8. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах. Автореф....к. филолог. н. М., 2014. 19 с.
9. Grice H. P. Logic and conversation // Studies in the Way of Words. Harvard University Press, 1991. P.22-40.
10. Leech G. N. Principles of Pragmatics. L.: Longman, 1983. 257 p.
11. Inosmi [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://inosmi.ru/science/20171018/240551538.html> (дата обращения 1.08.2014).

УДК 811.511.131

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ТЕКСТОВ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Н. Н. Тимерханова,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики, института
удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики,
Удмуртский государственный университет, Ижевск*

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности переводанаучно-популярных текстов с русского языка на удмуртский. Исходя из своеобразия сопоставляемых языков, отмечается, что